

Заозерский Н. А. К вопросу о злонамеренном оставлении одним супругом другого, как основании расторжения брака [по поводу книги проф. Н. С. Суворова: Замечания на «проект положений о поводах к разводу», составленный Особым Совещанием при Священном Синоде. 1908] // Богословский вестник 1908. Т. 2. № 6. С. 246–259 (2-я пагин.).

Къ вопросу о злонамѣренномъ оставленіи однимъ супругомъ другого, какъ основаніи расторженія брака.

(По поводу книги проф. Н. С. Суворова: Замѣчанія на „проектъ положеній о поводахъ къ разводу“, составленный Особымъ Совѣщаніемъ при Св. Синодѣ 1908 Ц. 50 к. стр. 1—55).

Въ названной книгѣ ¹⁾ проф. Н. С. Суворовъ взялъ на себя трудъ представить свои научныя соображенія и критику тѣхъ поводовъ къ разводу, которые установило Особое Совѣщаніе при Св. Синодѣ въ своемъ проектѣ, уже опубликованномъ и по достоинству привѣтствованномъ общественнымъ мнѣніемъ. Проектъ такъ отвѣчаетъ назрѣвшимъ потребностямъ времени, что кромѣ привѣтствія ничего не заслуживаетъ и возбуждаетъ желаніе скорѣйшаго утвержденія законодательнымъ порядкомъ.

Но ничего кромѣ благодарности не заслуживаетъ, конечно и каждый отзывъ о немъ со стороны частныхъ лицъ, особенно такихъ компетентныхъ судей, какъ маститый профессоръ Московскаго Университета.

Правда въ своихъ „замѣчаніяхъ“ г. Суворовъ относится дов. неблагосклонно къ проекту, находитъ въ немъ много недостатковъ и въ редакціонномъ отношеніи и по существу, но вѣдь строгость, когда не враждебна истинѣ и правдѣ, не только не вредна, но и полезна, и думается, Св. Синодъ внимательно и благосклонно отнесется даже къ неблаго-

¹⁾ Слѣдовало бы сказать *брошюра* въ 55 страницъ, но самъ авторъ повелительно на оберткѣ ея печатаетъ: „цѣна этой книги“, по этому и мы будемъ называть „эту книгу“—книгою

склоннымъ отзывать названнаго ученаго мужа къ своему проекту. Истина и правда въ этомъ великомъ и святомъ дѣлѣ всего дороже.

Руководясь этимъ побужденіемъ, и мы, съ своей стороны, почитаемъ нелишнимъ высказать свои замѣчанія и сужденія о „замѣчаніяхъ“ г. Суворова, однако же не о всѣхъ тѣхъ поводахъ къ разводу, которые приняты проектомъ, но только объ одномъ — т. наз. „злонамѣренномъ оставленіи“.

Причиною такой умѣренности нашей служить то, что признаніе именно этого повода особенно желательно въ смыслѣ удовлетворенія назрѣвшимъ современнымъ потребностямъ, а съ другой стороны и то, что на этомъ же поводѣ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается г. Суворовъ (стр. 27). Сверхъ того, объ этомъ поводѣ мы еще въ 1904-мъ году издали специальную брошюру, не безызвѣстную повидимому и г. Суворову, хотя о ней онъ и не упоминаетъ въ своей книгѣ ¹⁾, такъ что для насъ теперь открывается личное побужденіе еще разъ пересмотрѣть прежній трудъ свой и сдѣлать въ немъ исправленія, если бы „научныя соображенія“ г. Суворова вызвали насъ къ этому.

Въ своемъ трудѣ мы старались прежде всего *канонически* обосновать т. наз. „злонамѣренное оставленіе“, какъ достаточный поводъ къ разводу, и съ особеннымъ вниманіемъ останавливались съ этою цѣлію на правилахъ св. Василия Великаго, въ особенности на знаменитомъ 9-мъ его правилѣ. Одно положеніе этого, довольно содержательнаго и большого по размѣрамъ правила, намъ показалось до того ясно и точно выражающимъ каноническую достаточность „злонамѣреннаго оставленія“ какъ основанія для расторженія брака и для оправданія оставленному мужу его вторичнаго вступленія въ бракъ, что мы рѣшили поставить это положеніе въ качествѣ эпиграфа своей брошюры. Это положеніе гласить такъ:

„Мужъ оставленный женою *Ὁ καταλειφθεὶς συγγροβτός* достоинъ снисхожденія и со- *ἔστι, καὶ ἡ συνοικοῦσα τῷ τοι-* жительствующая съ нимъ не *οὐτὸρ οὐ κατακρίνεται.* осуждается.

¹⁾ Н. Заозерскій: Злонамѣренное оставленіе однимъ супругомъ другого какъ основаніе къ расторженію брака 1904 стр 1—47. Ц. 20 к

Намъ казалось тогда, какъ кажется и въ настоящую минуту, послѣ прочтенія книги г. Суворова, что это положеніе для всякаго непредубѣжденнаго читателя, и въ особенности немножко знающаго греческій языкъ, до того ясно и рѣшительно выражаетъ право оставленнаго мужа искать развода на основаніи „оставленія его женою“, что стоитъ только ищущему развода мужу, оставленному своею женою, процитовать въ своемъ исковомъ прошеніи это положеніе въ одномъ или обоихъ текстахъ — и каждая Духовная Консисторія безъ колебанія уважить прошеніе истца, а Св. Синодъ утвердить рѣшеніе Консисторіи.

Но далеко не таковымъ показалось это положеніе и все 9-е правило святаго отца профессору Н. С. Суворову, разсматривавшему пристально *греческій* текстъ этого правила чрезъ свои, такъ сказать, многоученныя очки. Вооруживъ свое зрѣніе этими очками, г. Суворовъ пришелъ къ рѣшительному заключенію, что ни въ этомъ положеніи, ни въ цѣломъ 9-мъ правилѣ, ни во всѣхъ правилахъ св. Василія Великаго и вообще во всѣхъ канонахъ нѣтъ и намека на злонамѣренное оставленіе, что — вообще каноническаго основанія для этого повода нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ...

„Можно лишь удивляться тому, какимъ образомъ можно было найти въ этомъ правилѣ *мысль о фактическомъ оставленіи* однимъ супругомъ другого, безъ предшествовавшаго ему развода, какъ о достаточномъ основаніи къ расторгненію брака“. Такъ онъ сказалъ! (стр. 32).

Что за причта такая?!

Причта, читатель, простая и дов. обыкновенная: простая, непосредственная очевидность стала въ рѣшительный конфликтъ съ научною проникновенностью — и больше ничего.

Что же намъ дѣлать? — Спросите вы. — На мой взглядъ — поступить по надлежащему: не вѣрьте своимъ глазамъ и своему разуму, а довѣрьтесь всецѣло ученой проникновенности... въ данномъ случаѣ профессора Н. С. Суворова. Но вѣдь обидно это для собственныхъ глазъ и для своего разума? — Что же дѣлать! Собственные глаза и разумъ сплошь и рядомъ надуваютъ насъ. Чтó движется: земля или солнце? — конечно не... солнце. Такъ и тутъ.

Впрочемъ, я на этомъ не настаиваю, какъ желаете; самъ же пока поостерегусь отказаться отъ своихъ глазъ въ пользу

проникновенности г. Суворова на томъ простомъ основаніи, что ученая его проникновенность возбуждаетъ во мнѣ нѣкоторыя сомнѣнія, съ которыми я и рѣшаюсь подѣлиться съ вами, благосклонный читатель.

1. Научная проникновенность г. Суворова возбуждаетъ во мнѣ сомнѣніе прежде всего съ формальной стороны — съ методической; мнѣ кажется именно, что въ данномъ случаѣ приходится имѣть дѣло не съ научностью, а съ схоластичностью, или просто съ схоластикой.

Дѣло въ слѣдующемъ: г. Суворовъ смотритъ на „злонамѣренное оставленіе“ глазами учебниковъ и курсовъ гражданскаго права, въ которыхъ точно сказано, „когда, гдѣ и при какихъ обстоятельствахъ злостное или злонамѣренное оставленіе заняло самостоятельное мѣсто въ ряду поводовъ къ расторженію брака, напр. въ Германіи, Франціи, Австріи“ (стр. 39 и слѣд.). Ну, а что касается напр. древней Руси или Византіи, то *ни въ одномъ учебникѣ о семъ не упоминается, слѣдов. заключаетъ г. Суворовъ — тамъ его и не было* и „составители проекта“ хотятъ ввести нѣчто совсѣмъ новое, „безпримѣрно оригинальное“ даже и для Западной Европы (стр. 42).

Не знаю какъ вамъ, читатель, а мнѣ такая научная логика убѣдительною не представляется; вѣдь съ этою логикою можно какъ разъ придти къ такому заключенію: разъ я не прописанъ въ участкѣ, — я и не существую, меня въ дѣйствительности и не было, и нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... Наука нашего православнаго церковнаго права, не смотря на „курсъ“ и „учебникъ“ самого проф. Суворова, еще въ такомъ юномъ состояніи, она еще такъ не полно обнимаетъ и освѣщаетъ юридическіе факты и отношенія нашего прошлаго, что полагаться такъ всецѣло на учебники и курсы, какъ этого требуетъ г. Суворовъ, нельзя, не благоразумно. Конечно и спору быть не можетъ, что термина „злонамѣренное оставленіе“, „malitiosa desertio, bössliche Verlassung“ „abandon“ нельзя найти въ памятникахъ нашего церковнаго права, древнерусскаго и византійскаго, и въ частности — въ правахъ Св. Василія Великаго; но было бы крайне не разумно отсюда заключать, что въ этихъ памятникахъ не содержится и упоминанія о тѣхъ *жизненныхъ явленіяхъ*, которымъ перечисленныя въ учебникахъ названія соотвѣтствуютъ.

Ознакомленіе съ памятниками нашего права и византійскаго именно „неотразимо“ убѣждаетъ, что такъ называемое учебниками „злонамѣренное оставленіе“ и признавалось въ законодательствѣ, и примѣнялось въ судебной практикѣ въ качествѣ достаточнаго основанія къ разводу, но только подъ другими наименованіями, напр. „побѣга“, „укрывательства“ и под. ¹⁾ Это же жизненное явленіе имѣетъ въ виду и св. Василій Великій въ своемъ 9-мъ и другихъ правилахъ и названіемъ его *ἐγκατάλειψις* (оставленіе). Это „энкаталиписисъ“ въ сущности означаетъ то же самое, что и „злонамѣренное оставленіе“ (*malitiosa desertio*) и если св. Василій Великій не употребилъ въ своихъ правилахъ этого послѣдняго термина, а употребилъ слово „энкаталиписисъ“, то это произошло по той простой причинѣ, что онъ писалъ свои правила на греческомъ языкѣ, а не на русскомъ ²⁾.

Болѣе выяснять методическую несостоятельность, или схоластичность научныхъ пріемовъ г. Суворова почитаемъ излишнимъ. По крайней мѣрѣ лично для меня она такъ ясна, такъ не служитъ къ раскрытію истины и правды, что я ни за что не промѣняю ее на собственныя глаза, а Вы, читатель, какъ желаете...

2. Такого же схоластическою мнѣ представляется и филологическая работа проф. Суворова, которую онъ посвятилъ 9-му правилу св. Василия Великаго.

Что эта филологическая работа есть не болѣе какъ схоластическая экзерциція на заданную тему (*l'extemporale*)—въ этомъ легко убѣдиться, если сравнить стр. 29—32 книги проф. Суворова съ стр. 76—77 книги Цахарію: *Исторія греко-римскаго права*, изд. 3 ³⁾ и разсмотрѣть логическое строеніе

¹⁾ Въ моей вышеназванной брошюрѣ это указано.

²⁾ *Ἐγκατάλειψις*—оставленіе чего либо другому Терминъ весьма выразительный для обозначаемаго имъ жизненнаго отношенія: ибо оставляющая своего мужа жена, фактомъ своего оставленія мужа и его дома, а можетъ быть и семьи, предоставляетъ послѣднихъ другой, или другимъ женщинамъ: это—хуже, злѣе случайнаго грѣхопаденія,—адультера Въ книги правилъ въ *Ἐγκατάλειψις* стоитъ *Ἀρχαὶ λείψις*—вѣроятно опечатка. По выразительности и благозвучности этотъ святоотеческій терминъ—„энкаталиписисъ“ слѣдовало бы превратить въ научный техническій вмѣсто „злонамѣреннаго оставленія“—и недовольно яснаго, и не благозвучнаго, и спротивно сложнаго термина.

³⁾ Zachariä von Lingenthal, *Geschichte des griechisch römischen Rechts* 3 Aufl. Berl. 1892.

филологической работы г. Суворова.

Логическое построение его, опирающееся на стр. 29—32 книги Цахаріэ въ сжатомъ видѣ представляетъ слѣдующій силлогизмъ:

а) Подъ „оставленіемъ“, какъ поводомъ къ разводу, въ науку и законодательствѣ разумѣется фактическое оставленіе мужа женою, или жены мужемъ безъ какого либо „акта публичнаго или частнаго“, въ которомъ бы выражалось „волеизъявленіе“ относительно прекращенія брака, и безъ соблюденія той или другой бракоразводной формы: о какомъ оставленіи говорится въ 9-мъ правилѣ Василия Великаго: юридическомъ или фактическомъ? (стр. 28—29).

(Первая посылка).

б) Разрѣшая поставленный вопросъ, г. Суворовъ отмѣчаетъ въ 9-мъ правилѣ греческія слова и выраженія, которыя соотвѣтствуютъ русскому слову *оставленіе* женою мужа. Эти слова: *ἀλλοιωσῆς τὸν ἄνδρα* (оставила мужа), *ἀλέσθη τοῦ γάμου* (отступила отъ брака), *διαζευθῆναι συνολοῦντος* (разводиться съ сожителемъ), *χωρίζεσθαι* (отдѣляться), *ἀποστὰς τῆς γυναῖκος ἐπ' ἄλλην ἦλθε* (отступивъ отъ жены возьметъ себѣ другую жену), *γάμου ἐξίστασθαι* (*выходить изъ брака*)¹⁾. Но эти термины и выраженія суть *техническія* для выраженія *юридическаго оставленія*, или акта волеизъявленія *о прекращеніи брака* (Ср. Zach. стр. 76, примѣч. 171), а отнюдь не служатъ для обозначенія *фактическаго оставленія*. Чтобы еще болѣе утвердить очевидную вѣрность такъ сказать этихъ самостоятельныхъ филологическихъ изысканій, г. Суворовъ приводитъ слѣдующую тираду изъ исторіи Цахаріэ:

„Василій Великій въ 9-мъ своемъ правилѣ дѣлаетъ уступку существовавшему въ его время свѣтскому праву и обычаю, допуская, что по крайней мѣрѣ *мужъ, которому жены послали разводное письмо, можетъ вновь жениться не учиня прелюбодѣянія* (wenigstens der Mann dem seine Frau den Scheidenerbrief geschickt hat, wiederheirathen könne *ohne dass ein Ehebruch angenommen werde*): такъ говоритъ лучший изъ знатоковъ византійскаго права Цахаріэ фонъ Лингенталь“ (стр. 32).

(вторая посылка).

¹⁾ Собственный переводъ г. Суворова. (Стр. 30).

в) Итакъ, о какомъ же оставленіи идетъ рѣчь въ 9-мъ правилѣ: юридическомъ или фактическомъ? Въ немъ говорится „о выходѣ изъ брака, объ отступленіи отъ брака, о женѣ расторгающей супружескій союзъ съ мужемъ и о мужѣ, отступающемъ отъ жены, т. е. говорится о разводѣ, въ смыслѣ разорванія юридической связи между супругами. а не въ смыслѣ *фактическаго оставленія однимъ супругомъ другого*“ (стр. 30). „Можно лишь удивляться тому, какимъ образомъ можно было найти въ этомъ правилѣ мысль о фактическомъ оставленіи однимъ супругомъ другого“ (стр. 32). (Заключеніе).

Какъ видно отсюда, логическое построеніе г. Суворова— по формѣ правильное; мало того, заключеніе и самостоятельныя филологическія изысканія подтверждены авторитетомъ Цахаріа: чего бы, казалось, недоставало для раскрытія истины?

И однако же „червь сомнѣнія“ не оставилъ насъ въ покоѣ и рѣшительно запротестовалъ противъ довѣрія на счетъ ученой основательности филологической работы проф. Суворова. Оставляя въ сторонѣ вопросъ о самостоятельности научныхъ филологическихъ изысканій г. Суворова и степени зависимости оныхъ отъ книги Цахаріа ф. Лингенталя, мы почитаемъ долгомъ ограничиться въ этомъ отношеніи лишь слѣдующими замѣчаніями:

а) Такіе образцы переводовъ какъ

γαινον εξίστασθαι (выходить изъ брака)

ohne dass ein Ehebruch angenommen werde (не учиняя прелюбодѣянія)

суть несомнѣнно самостоятельная филологическая работа проф. Суворова.

б) Вышеприведенное указаніе въ 9-мъ правилѣ техническихъ терминовъ для обозначенія „частнаго акта для юридическаго волеизъявленія о расторженіи брака“, или для обозначенія *юридическаго*, а не *фактическаго* оставленія однимъ супругомъ другого—тоже несомнѣнно самостоятельная филологическая работа г. Суворова.

Оставляя, далѣе, въ сторонѣ научную цѣнность образцовъ перевода г. Суворова, мы не можемъ не высказать слѣдующаго замѣчанія по поводу указанія г. Суворовымъ техническихъ терминовъ въ 9-мъ правилѣ.

Указаніе—безспорно вѣрное, но вотъ странность: куда же дѣвался нашъ эпиграфъ: „мужъ оставленный“ и проч., извлеченный нами изъ 9-го правила? Куда дѣвались термины *ἀφείμενος, καταλειφθεὶς, καταλειποῦσα*, обозначающіе фактическое оставленіе, а не юридическое, несомнѣнно въ правилѣ 9-мъ находящіеся, однако же г. Суворовымъ не замѣченные, или по крайней мѣрѣ не отмѣченные?

Въ отвѣтъ на эти вопросы въ вышепредставленномъ логическомъ построеніи г. Суворова не дается ничего, кромѣ солидной риторской „фигуры умолчанія“.

Этотъ недостатокъ второй посылки силлогизма имѣетъ роковое значеніе для рѣшительнаго заключенія и еще болѣе для вставленной въ него „фигуры удивленія“: какъ можно найдти мысль о фактическомъ оставленіи!!!

Повѣрка простыми глазами (а не вооруженными научными очками) филологическаго анализа 9-го правила приводитъ къ несомнѣнному выводу, что во второй посылкѣ силлогизма г. Суворова *допущено* указаніе только терминовъ, обозначающихъ юридическое оставленіе и *опущено* (намѣренно, или по немощи зрѣнія—другой вопросъ) указаніе терминовъ, обозначающихъ фактическое оставленіе.

Вслѣдствіе сего и рѣшительное заключеніе г. Суворова должно быть или рѣшительно отвергнуто, какъ *по существу не правильное*, или по крайней мѣрѣ исправлено такъ: въ 9-мъ правилѣ несомнѣнно идетъ рѣчь и о юридическомъ и о фактическомъ оставленіи, а отнюдь не объ одномъ юридическомъ. Соответственно сему и фигура удивленія г. Суворова должна быть замѣнена болѣе подходящею фигурою, напр. такую: „можно лишь удивляться тому, какимъ образомъ онъ, г. Суворовъ, не могъ найти въ 9-мъ правилѣ не только мысли о фактическомъ оставленіи, но и греческихъ и русскихъ словъ ясно выражающихъ эту мысль!...“

Если бы нами руководилъ только интересъ логическаго и грамматическаго состязанія съ г. Суворовымъ, то здѣсь мы и остановились бы съ своими контръ-замѣчаніями на „замѣчанія“ его о злонамѣренномъ оставленіи, какъ поводъ къ разводу.

Но интересъ нашъ болѣе серьезенъ и глубокъ...

И вотъ подъ вліяніемъ его мы рѣшаемся подвергнуть тщательному разсмотрѣнію и то освѣщеніе 9-го правила св.

Василія Вел., какое даетъ ему „самъ Цахаріэ“, подъ несомнѣннымъ вліяніемъ котораго явилась на свѣтъ разсмотрѣнная нами филологическая работа русскаго профессора церковнаго права.

Толкованіе „самого Цахаріэ“ заслуживаетъ къ себѣ вниманія не по одному только громкому авторитету его, но и по существу, потому именно, что оно возводитъ на Св. Василія Великаго обвиненіе въ томъ, что онъ *поступился евангельскимъ закономъ и древнею сурозою церковною дисциплиною въ пользу свѣтскаго права и обычая.*

И вотъ нашъ „червь сомнѣнія“ выдвигаетъ вопросъ: кто изъ двухъ виноватъ—святой ли отецъ и учитель Церкви во взводимомъ на него тяжкомъ грѣхѣ „уступчивости и пощущенія“, или же Цахаріэ ф. Лингенталь, знаменитый знатокъ греко-римскаго права,—въ томъ, что онъ невѣрно освѣтилъ 9 правило, оклеветалъ отца и учителя Церкви и ввелъ въ этотъ грѣхъ православнаго профессора Московскаго Университета?

Разсмотримъ.

Вчитываясь внимательно въ правило, приходишь къ полному убѣжденію, что въ немъ нѣтъ и намека на какое-либо *свѣтское право*, т. е. римское-языческое, или какое-либо другое; въ правилѣ идетъ рѣчь только о евангельскомъ законѣ и *обычаѣ*, но о какомъ обычаяхъ: свѣтскомъ или церковномъ?—Опять сомнѣнію не можетъ подлежать, что о *церковномъ*: *οἷς ἔχομεν τοῦτο ἐν τῇ συντάξει τῆ ἐκκλησιαστικῆ τὸ παρατήρησις* (не наблюдаемъ сего въ церковномъ обычаяхъ). Откуда явилась у Цахаріэ мысль, будто св. Василій Великій дѣлаетъ уступку свѣтскому праву и обычаю—рѣшительно непонятно.

Но можетъ быть великій учитель Церкви сдѣлалъ уступку Евангельскаго закона этому *церковному обычаю*, или этой строгой древней церковной дисциплинѣ?

И этого утверждать отнюдь невозможно. Св. отецъ не только не дѣлаетъ уступки этому церковному обычаю, а напротивъ, сопоставляя съ нимъ законъ евангельскій, недоумѣваетъ, какъ произошло то, что церковный обычай не вполне соответствуетъ евангельскому закону. „Господне изреченіе—говоритъ онъ—по разуму онаго равно причисляется и мужамъ и женамъ, *но не то—въ обычаяхъ*“.

Какая же тутъ уступка? Далѣе затѣмъ подробно и выясняется—въ чемъ состоитъ несоотвѣтствіе обычая Господню изреченію, а именно: тогда какъ Господне изреченіе *равно обязательно* и для мужа и для жены, обычай уполномочиваетъ мужа *согласно съ закономъ евангельскимъ* отрѣшаться отъ брака съ женою-любодѣйцею, а женѣ не разрѣшаетъ отрѣшаться отъ брака ни по какой причинѣ: пусть мужъ расточаетъ имѣніе, бьетъ жену, пусть онъ любодѣйствуетъ на сторонѣ (или предается грѣху противоестественнаго совокупленія) ¹⁾, пусть онъ будетъ даже невѣрующимъ,—обычай принуждаетъ жену не отрѣшаться отъ брака съ нимъ, не оставлять его дома, а жить съ нимъ;—*это явно—вопреки Господню изреченію*. Къ женѣ прелюбодѣйцу примѣняется во всей строгости *буквальныя изреченія, ἀρχιλογία* ²⁾ божественнаго закона: „держай прелюбодѣйцу безуменъ и нечестивъ“ и т. п., а прелюбодѣю—мужу оказывается снисхождение ³⁾.

Принимая это во вниманіе, должно сказать, что знаменитый византологъ допустилъ весьма грубую ошибку въ толкованіи 9 правила и взвелъ на великаго отца и учителя Церкви

¹⁾ Что въ дѣйствительности имѣли мѣсто такія жизненныя явленія въ древней церкви—свидѣтельства объ этомъ встрѣчаемъ еще въ „Апологіи“ св. Іустина философа. „Одна женщина—гов. онъ—имѣла распутнаго мужа и сама была прежде распутною. Когда же она познала ученіе Христово, то и сама обратилась къ доброй жизни и старалась убѣдить къ тому же мужа своего, излагая ему ученіе (Христово) и внушая, что для тѣхъ, которые живутъ не цѣломудренно и несогласно съ здравымъ разумомъ, будетъ мученіе въ вѣчномъ огнѣ. Но мужъ продолжалъ тѣ же распутства и своими поступками *отчуждилъ отъ себя жену*: и она, почитая нечестіемъ далѣе раздѣлять ложе съ такимъ мужемъ, который, *противъ закона природы и справедливости* всячески изыскивалъ средства къ удовлетворенію похоти, *хотѣла развестись съ нимъ, но уваживъ советы своихъ, которые убѣждали ее потерпѣть еще*, въ надеждѣ, что мужъ когда нибудь перемѣнится, *принудила себя остаться*. Когда же мужъ ея отправился въ Александрію и сдѣлалось извѣстнымъ, что тамъ онъ вдался въ дѣла еще худшія: тогда она, чтобы оставаясь въ супружествѣ и раздѣляя съ нимъ столъ и ложе, не сдѣлаться участницею его непогрѣбствъ и нечестія, дала ему такъ называемый разводъ и удалилась отъ него“. Это и др. свидѣтельства о древней ц. дисциплинѣ собраны въ моей брошюрѣ:

На чемъ основывается церковная юрисдикція въ брачныхъ дѣлахъ? 1902 Сергіева Лавра Стр. 57.

²⁾ „Извѣстословіе“ переводитъ Древнерусская Кормчая См. изд. Бенешевича.

³⁾ Ср 21-е прав. Св. Вас. Вел.

обвиненіе совершенно невѣрное, нелѣпое. Если искать въ правилѣ какое-либо „попустительство“, то можно отнести его развѣ къ „церковному обычаю“, но уже никакъ не св. Василию Великому, строгому блюстителю древней церковной дисциплины. „Весьма болѣзную—гов. онъ въ 89 правилѣ,—яко правила отеческія оставлены и всякая строгость изгнана изъ церквей“...

Какъ же можно обвинять его въ какой-то уступкѣ свѣтскому праву и обычаю?!...

Но пойдѣмъ далѣе въ разсмотрѣніи толкованія Цахаріа.

Въ чемъ же св. Василій Великій сдѣлалъ (мнимую) уступку?

Въ томъ—отвѣчаетъ Цахаріа—что онъ попустилъ мужу, получившему отъ жены разводное письмо, жениться вновь, *не вмѣняя сего въ прелюбодѣянiе* или „не учиня прелюбодѣянiя“ по переводу г. Суворова.

Тутъ (т. е. въ словахъ Цахаріа) все—не вѣрно и не точно.

Не вѣрно здѣсь то, будто бы св. Василій Великій даетъ дозволеніе вступать во второй бракъ мужу, оставленному женою. Изъ правила совсѣмъ не видно, чтобы къ св. отцу обращался какой-либо мужъ съ просьбою о дозволеніи, а если бы и обратился, то навѣрное получилъ бы отказъ¹⁾. Рѣчь идетъ о *фактѣ совершившемся* и о томъ—какъ смотрѣть на этотъ *фактъ*? А какъ именно должно *смотрѣть*—увидимъ потомъ.

Весьма *не точно*, затѣмъ, Цахаріа передаетъ силу правила, когда говоритъ о *мужѣ* вступившемъ во второй бракъ, что послѣдній не вмѣняется ему въ прелюбодѣянiе: въ правилѣ говорится о вышедшей *замужъ* за оставленнаго мужа—*незамужней* (вдовѣ или дѣвицѣ): можетъ ли она почитаться прелюбодѣйцею или нѣтъ? Разность очень важная.

Нельзя, наконецъ, не поставить въ упрекъ Цахаріа и того, что онъ объ оставившей мужа женѣ категорически выражается что она послала ему *разводное письмо*: подлинный терминъ правила—*катахлаѣлѣоба*—къ этому не уполномочиваетъ. Конечно, это мелочь. Но разъ эта мелочь способна ввести въ заблужденіе—что дѣйствительно и случилась съ профессо-

¹⁾ По строгости св. отца вѣрнѣе предполагать, что онъ посоветовалъ бы оставленному мужу идти въ монастырь.

ромъ Суворовымъ—умолчать о ней нельзя. Вѣдь Цахаріэ—такой авторитетный знатокъ греческаго техническаго языка: какъ же онъ могъ допустить такую неточность?

На нее необходимо указать, ибо въ противномъ случаѣ, т. е. если мы оставимъ безъ указанія на нее и тѣмъ молчаливо признаемъ, что Цахаріэ не могъ быть неточнымъ, то въ грѣхѣ неточности придется обвинить великаго отца и учителя Церкви; но это будетъ ужъ совсѣмъ худо.

Если мы теперь, указавъ недочеты въ толкованіи Цахаріэ, пожелаемъ установить положительный и точный смыслъ 9 правила, то должны будемъ разсуждать такъ.

Св. отцу былъ предложенъ на разрѣшеніе его совопросникомъ Амфилохіемъ, епископомъ Иконійскимъ, слѣдующій казусъ: одна женщина оставила своего мужа (пославъ или не пославъ ему разводное письмо—это безразлично) и вышла замужъ за другого; оставленный мужъ вступилъ послѣ этого въ бракъ съ незамужнею (вдовою или дѣвицею—безразлично). Спрашивается: какъ съ точки зрѣнія евангельскаго закона и церковнаго обычая *оцѣнить* поступки этихъ четырехъ лицъ?

Съ точки зрѣнія свѣтскаго права и обычая того времени дѣйствія этихъ четырехъ лицъ были и возможны, и законны, такъ какъ и заключеніе брака и его расторженіе составляли сферу *частнаго* права, а не публичнаго: достаточно было совершить актъ личнаго волеизъявленія письменный, *или даже и безъ письма*. Но какъ Церковь должна смотрѣть на такія дѣянія съ точки зрѣнія *своей дисциплины*?

Св. Отецъ разрѣшаетъ казусъ такъ: 1) жена оставившая мужа и вышедшая замужъ за другого—безусловно прелюбодѣйца; 2) прелюбодѣй и тотъ, кто на ней женился; 3) мужъ оставленный женою *достойнъ снисхожденія*, за то, что вступилъ въ новый бракъ; однако же не безусловно, нужно разсмотрѣть, по какой причинѣ оставила его первая жена; 4) сожительствующая съ нимъ вторая жена—безусловно невиновна: ибо вся вина падаетъ здѣсь на оставившую мужа, которая ни по какой причинѣ не могла оставлять мужа.

Таковъ, по нашему разумѣнію, точный смыслъ 9-го правила св. Василия Великаго.

Позволяемъ высказать убѣжденіе, что наше разумѣніе его выдержитъ какой угодно юридическій анализъ.

Въ заключеніе почитаемъ не лишнимъ привести собственные слова св. Василия Великаго, выраженные имъ въ предисловіи своего посланія къ епископу Амфилохію, гдѣ онъ довольно ясно выражаетъ свое отношеніе къ древней церковной дисциплинѣ, или т. н. *обычному церковному праву*.

„Несмысленному, какъ речено въ писаніи, вопросившу о мудрости, мудрость вмѣнится: а вопрошеніе мудраго, кажется, умудряетъ и несмысленнаго. Сіе, по благодати Божіей, случается съ нами каждый разъ, когда получаемъ писанія твоя трудолюбивыя души. Ибо я становлюся свѣдущѣе и разсудительнѣе самого себя, изъ самаго вопроса научаяся многому, чего прежде не зналъ. Забота объ отвѣтѣ дѣлается для меня учителемъ. По истинѣ и нынѣ, никогда не озабоченный предметами твоихъ вопросовъ, я принужденъ и разсмотрѣти съ точностію и *привести на память, аще что слышалъ отъ старѣйшихъ*, и отъ себя примыслити *согласное съ тѣмъ, чему я научился*“.

Такъ консервативенъ былъ св. Василій Великій въ отношеніи къ отеческому церковному преданію и такъ былъ разумно ревностенъ въ отношеніи къ евангельскому закону!

Но допустимъ на минуту предположеніе невѣроятное, а именно, что св. Василій Великій довольно либерально или безразлично относился къ выбору терминовъ для выраженія своихъ мыслей, былъ *неточенъ въ выраженіи своихъ мыслей* и что Цахаріе точнѣе его выразилъ его же мысль о томъ, что только *документально выраженное „волеизъявленіе“ о расторженіи брака* женою давало право оставленному мужу вступать во второй бракъ?

Не выиграетъ ли чрезъ это чего-нибудь аргументація г. Суворова въ пользу той его мысли, что въ 9-мъ правилѣ нѣтъ мысли „о фактическомъ оставленіи“, а есть мысль только о формальномъ разводѣ?

Что самъ г. Суворовъ придавалъ большое значеніе различію между фактическимъ и юридическимъ оставленіемъ, какъ поводами къ расторженію брака—въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Первое, по его логикѣ, недостаточно для расторженія брака, а второе совершенно достаточно: ибо есть „частный актъ, въ которомъ выражается волеизъявленіе относительно прекращенія брака“. Если жена оставитъ домъ мужа и будетъ проживать отдѣльно отъ него, не посылая къ нему развод-

наго письма: то онъ совершенно безпомощенъ въ своемъ одиночествѣ и долженъ дожидаться, пока жена не приметъ къ нему свое „письменное волеизъявленіе“ на счетъ нежелаія жить съ нимъ какъ съ мужемъ. Но если она, напротивъ, удалившись изъ дому, тотчасъ же пришлетъ ему такое волеизъявленіе, то онъ и въ правѣ сейчасъ же вступить въ новый бракъ, потому что юридическая *брачная связь разорвалась* и онъ свободенъ.

Итакъ, не придавалъ ли и св. Василій Великій такое же значеніе женскому волеизъявленію, выраженному въ письмѣ, каковое придаетъ ему профессоръ Суворовъ?

Увы! Этого сказать о св. Василии Великомъ никакъ нельзя. Не форма оставленія женою мужа привлекала его *глубокое* къ себѣ *вниманіе*,—для него было безразлично, съ письмомъ или безъ письма оставила мужа жена, а то, *по какой причинѣ* его оставила? „Подобаетъ говорить онъ—смотреть *вину* оставленія.

Значитъ рѣчь въ 9-мъ и другихъ правилахъ св. Василія идетъ не о *формѣ* расторженія брака, а о *поводѣ* къ расторженію: достаточенъ онъ, или не достаточенъ.

Что женинымъ разводнымъ письмомъ разрывается юридическая связь мужа и жены и образуется право мужа вступать въ новый бракъ: такъ дѣйствительно судило свѣтское (языческое) право и обычай во времена св. Василія, такъ судить и профессоръ Суворовъ: но не такъ судила Церковь того времени и строгій ревнитель ея дисциплины святой Василій Великій. Разъ фактическое или *quasi* юридическое оставленіе (*εἰρηάλειψις*) на лицо, и разъ оно совершено *не по не достаточной причинѣ*—мужъ достоинъ снисхожденія, если вступить въ новый бракъ, и новая жена его не осуждается.

Такъ судила тогда церковная дисциплина, выясненная св. Василиемъ Великимъ въ его правилахъ, по его мнѣнію, несправедливо строгая къ женщинѣ.

Дальше идти, кажется, уже некуда, чтобы отыскать въ правилахъ Св. Василія то, чего въ нихъ нѣтъ. Остается довольствоваться тѣмъ, что въ нихъ есть, а именно: *въ нихъ съ „неотразимой“ ясностію содержится мысль о томъ, что оставленіе женою мужа есть достаточный поводъ для расторженія брака съ оставившею и для вступленія въ новый бракъ со вдовою или незамужнею* ¹⁾!

Н Заозерскій.

1) Сравни. нашу брошюру: Злонамѣренное оставленіе... стр. 9.